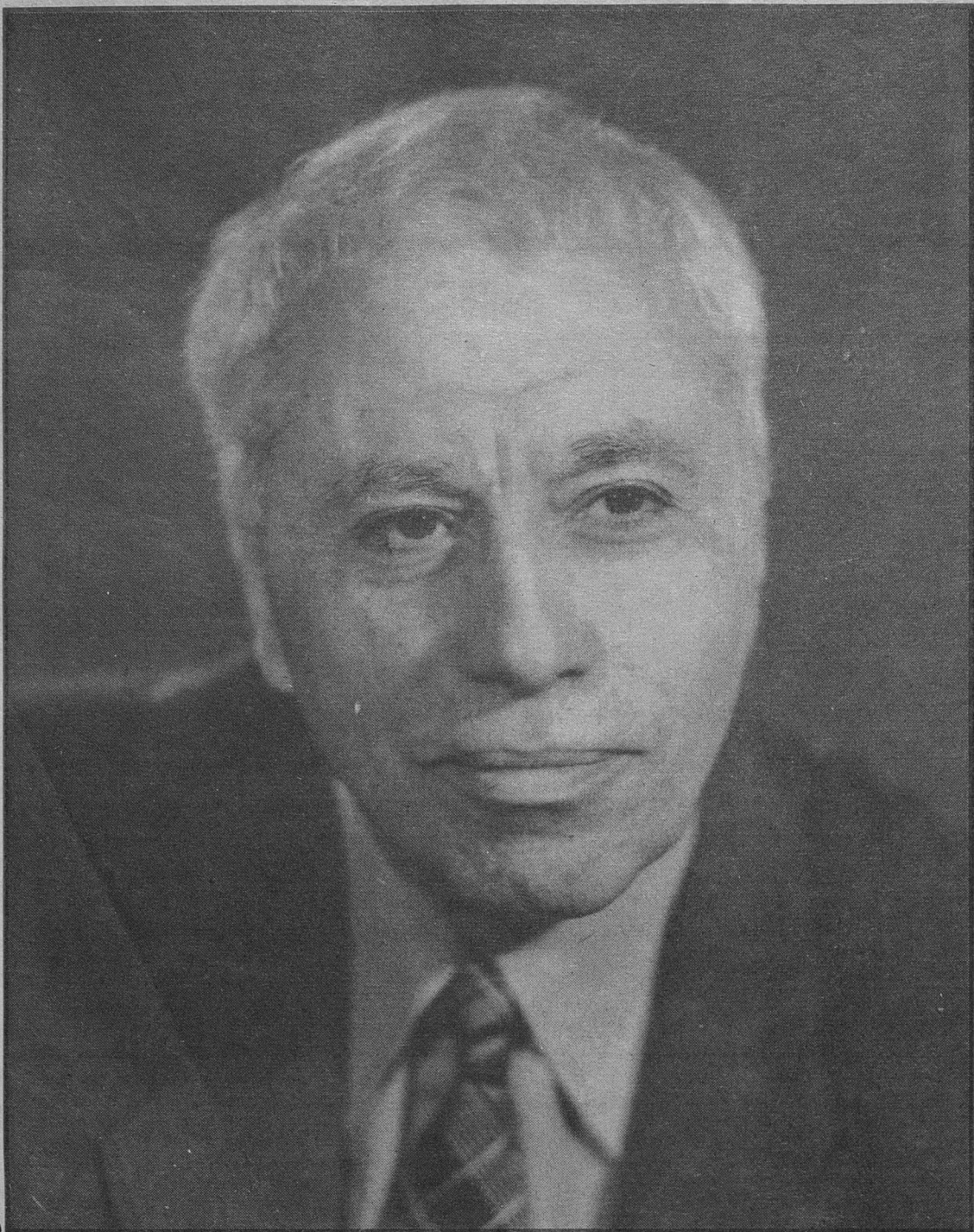

СИМОНОВ сын СИМОНОВА

Происходит что-то страшное: только за прошедший месяц смерть унесла жизни пятерых. Пятерых великих. Иннокентий Смоктуновский, Леонид Леонов, Дитмар Розенталь, Роберт Рождественский, Евгений Симонов.

Достойный сын своего отца, Евгений Симонов всю свою жизнь отдал театру. Как режиссер поставил 43 спектакля в Театре имени Вахтангова. Из 40 лет работы в театре на Арбате семь посвятил руководству Малым театром. Как главный режиссер театра Наций объездил с труппой всю страну. А семь лет назад основал свой театр, назвав его именем отца.

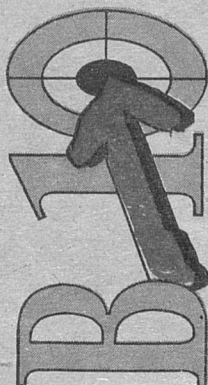
Наш корреспондент взял интервью у Евгения Рубеновича СИМОНОВА незадолго до его смерти. Пусть эта публикация станет данью памяти человеку и режиссеру.

— Евгений Рубенович, мне кажется, вы и не могли стать никем другим, как театральным режиссером. Ведь с самого рождения вас окружали люди, так или иначе связанные с искусством. Каким вам запомнилось то время?

— Владимир Этуш сказал мне однажды: «Знаешь, у нас какие-то дураки читают историю Театра Вахтангова. Но ты-то с 33-го года все помнишь. И Щукина, и Мансурову, и Завадского, и Толчанова, и своего от-

ца». С Диким — он был другом Вахтангова — мы жили бок о бок. И вот сейчас я, с одной стороны, читаю студентам официальный курс истории, с другой — рассказываю об участниках событий, которых знал. Когда речь заходит о распаде второго МХАТа, я говорю о Диком, о Софье Гиацинтовой, об Иване Берсеневе. У нас дома вечно что-то читал Алексей Толстой. Бывал Булгаков. (Оба — друзья моего отца.) С Эрдманом я работал дважды. Помню, как Шостакович писал музыку к «Гамлету», которая сейчас считается великой. Приезжал Николай Акимов, читал «Гамлета» и «Человеческую комедию». Студент Хренников, на 8 лет старше меня, писал музыку к «Много шума из ничего». И я уставал от этого «тара-тара-ти-та-та-ти-та», которое он играл по 20 раз в день. Арам Хачатурян написал вальс к драме Лермонтова «Маскарад» буквально у нас дома. Отец как раз тогда репетировал и выпускал ее, и они играли вместе вальс-фантазию: «ти-ра-ра-ти-та...» Я хорошо помню, как он писал. А остроумное студенчество, когда я им это рассказываю, спрашивает, не помню ли я Чехова и Глинку. И когда я говорю, что их не помню, но работал с Юоном и Маршаком, они говорят: «Ага, понятно!» — и подсчитывают, сколько мне лет.

— Можно попытаться представить, каково было жить в вашем доме? Историю

Сталин сказал: «Передайте Симонову, что нельзя меня играть в тужурке!»

10 □ Собеседник 3494

страны реальнее было изучать в лицах и красках, не выходя из собственной квартиры.

— Когда я собирался в школу, бывало так, что в кабинете, который я проходил, лежали люди. Папа поднимал голову одного из них и говорил: «Это — Борис Ливанов. Вот этот лежит — Михаил Афанасьевич Булгаков, а вон храпит — это Толстой». Они гуляли, потому что каждый спектакль кончался тем, что им нужно было продлить восторг, ибо самые интересные спектакли были после спектаклей. Заслушавшись! Потом они где-то с 4 до 9 спали. А вечером начиналось все сначала.

— Вы помните, какие спектакли тогда шли в Театре Вахтангова? 30-е годы (а вы тогда были школьником) наложился печать и на театр, и на всех его деятелей. И настроение было, наверное, соответствующее духу времени?

— 1937 год. Рубен Николаевич ставит в своем театре «Человека с ружьем». Щукин играет Ленина. Сталин смотрит спектакль и вскоре через Поскребышева присылает за кулисы записку: «Передайте Симонову, что нельзя меня играть в тужурке. Да, я действительно был во время революции в тужурке, но Ленин был без бороды, с завязанной щекой. Вы же его так не играете...» — и просит Симонова и Щукина сыграть тот же спектакль, но уже в Большом театре. Репетировали они с Щукиным у нас дома. До сих пор сохранилась пластинка, по которой мой много-страдальный отец учил сталинский акцент. Текст был такой: «Теперь, когда мутная волна фашизма... приятно сознавать, товарищи, за что бились мы...» И так далее... Они гримируются и выходят к нам с мамой — эти два великих вождя. От ужаса я чуть не умер. Ведь я тогда был пионером, а тут такая встреча! Когда они ехали в театр, их машину остановил милиционер. Отец не растерялся и выдал ему эту «мутную волну фашизма». Щукин, прикрывшись рукой и картавя, добавил что-то «от Ленина»... Милиционер упал солдатиком. Потом они навещали его в больнице...

— Сейчас вы живете в том же знаменитом доме знаменитостей? Кто теперь ваши соседи и такие ли они замечательные, как прежние жильцы?

— Я живу в квартире своего отца и своей матери, в которую мы въехали в 28-м году. В этом доме «вахтанговцев» жили: поэт Антокольский, режиссер Попов, академик архитектуры Веснин, соавтор Эрдмана по фильму «Веселые ребята» — Масс. (Кстати, после ареста Массы и Эрдмана фамилии их так и не появились в титрах к фильму.) В этом доме они вместе работали и пели «Легко на сердце от песни веселой». Там бывали Орлова, Булгаков, Олеша, Шостакович, Хренников, крупнейшие художники, в том числе Корин, писавший моего отца. Сейчас этот дом пуст. Вынуждены сдавать свои квартиры иностранцам за валюту семьи Массы, основоположника Вахтанговского театра Захавы, замечательного режиссера театра Ремизова, во многом благодаря которому мы знаем и любим сегодня актрису Юлию Борисову. Теперь я живу в доме и не знаю языка, на котором со мной разговаривают. Ко мне обращаются на французском, итальянском, немецком, английском. Все это вызывает у меня ощущение оккупации. В нашем доме прописаны дети известных людей, но они здесь не живут. Сдача и переезд в маленькую комнатку — сейчас дело более выгодное, чем содержание этих квартир и жилье впроголодь. Они хотят, чтобы их дети ели бананы. И вряд ли стойт их винить за это.

— В данном случае ваш дом, по-моему, олицетворение всей нашей страны: распродажа всего святого, утрата вечного или подмена его чем-то преходящим и меркантильным. Вас это не раздражает?

— Меня раздражает полный развал отечества. Огорчает то, что все рушится и трещит, словно по швам. Иногда я думаю: если бы недавние наши современники вдруг воскресли и увидели то, что сейчас происходит, они бы просто не поверили, что воскресли, а решили бы, что находятся в аду.

— И в этом аду как слабый лучик света — его величество Театр. Лишь он, кажется, может сегодня увести человека от его проблем, попытаться возвысить его над всей этой уличной грязью, суетой, неразберихой.

— Мне кажется, сейчас театру необходимо возрождение. Московские театры пусты. У Дорониной бывает треть зала на три тысячи мест. Мой любимый Вахтанговский посещают плохо. Исключение составляет спектакль Фоменко «Без вины виноватые», который играется в большом буфете театра. Причина неблагополучия театров — в них самих: распри, разделения, конфликты, споры внесли в театральную жизнь Москвы как бы добавочный сюжет. Но происходящее в театре есть прямое отражение событий в стране.

Но ведь рая в театре не было никогда. И от Вахтангова уходили ученики: Михаил Чехов, Иван Берсенев, Алексей Дикий.

Ушел когда-то из Малого Александр Ленский. Алексей Попов пришел в Театр Советской Армии получать зарплату и услышал: «Что вы получаете? Вы уволены». Он упал... Туманов из Большого театра удрал. Борис Равенских ушел из Малого театра и умер в лифте. Я уж не говорю о Мейерхольде, Таирове... Поэтому, по американской статистике, наибольшей опасности подвергаются сегодня театральные режиссеры и летчик-испытатель...

— Настоящего режиссера это, по-видимому, не интересует и мало заботит. По велению времени или без оного он всеми способами стремится к тому, чтобы угодить зрителю, развлечь и даже развеселить его. Вы не согласны?

— Мне кажется, сегодня с режиссерами творится что-то неладное. Они действуют по очень простому методу: берут серьезное произведение и делают из него пьесу, мюзикл или танцы. Вот уже танцуют «Гамлета». Скоро, наверное, начнут танцевать или петь куплеты на тему «Евангелия от Матфея». По-моему, это неверный подход к постановке классики, хотя он имеет право на существование.

— После ухода из Вахтанговского театра у вас стало друзей больше или все-таки меньше? Как вы думаете, у вас есть враги?

— Я знаю, что у меня очень много учеников. Куда бы я ни пришел или приехал, я везде их встречаю. Все когда-то у меня учились. Но я не думаю, что у меня совсем нет врагов, я не тенор, чтобы нравиться всем.

— Сегодня же, мне кажется, только очень уверенные в себе люди решаются посвятить свою жизнь театру. А ведь ваши дети продолжили дело отца и деда?

— В театральные вузы теперь действительно поступают мало. Профессия, бывшая когда-то престижной, сегодня не является таковой. Молодых людей все больше привлекает коммерция. Моя дочь — бывшая актриса МХАТа. К ней хорошо относились Ефремов. Она была на хорошем положении: много играла. Но ушла из театра, решив, что ее возможности не столь велики, чтобы стать замечательной актрисой. Вышла замуж за американца и уехала. Я не разделял этого ее поступка... Сейчас она сменила профессию на литературоведческую, свободно говорит по-английски и по-французски и изучает тему «Жанна д'Арк в мировой литературе». А сын работает в Театре Вахтангова и поставил сам несколько спектаклей. Один из них — очень симпатичный детский спектакль про Винни-Пуха.

— Все-таки с вашим именем им было легче делать свою карьеру в театре, чем какому-нибудь студенту Сереже из Рыбинска?

— Я не могу сказать, что они делали карьеру с моей помощью, но, естественно, я им помогаю, чем могу. Сын сразу был принят в Театр на Малой Бронной. Дочке я помог с жильем в Москве. У меня еще двое внуков — от сына и дочери...

— Вы немного странный человек по сегодняшним меркам: квартиру свою шикарную не сдаете, работаете день и ночь, причем в ЦДРИ — безвозмездно. А ведь кажется — проще пареной репы: бросить несчастную страну с ее несчастными людьми и порядками и уехать к дочке?

— Я связан с Москвой всеми нитями и вне ее существовать не могу. Это мой воздух, моя среда, поэтому я не понимаю тех знаменитых людей, которые бегут из России в трудное, но вполне сносное время. Они уезжают за границу, обретают там замки, дворцы и бассейны, а потом победителями возвращаются на родину. Многие из этих людей действительно высокоталантливый: в сферах музыки, вокала, литературы, журналистики. Но я считаю их неправыми, ибо не так уж им дурно жилось здесь, чтобы глголотить из-за океана, как Герцен.

— Наблюдая за ходом истории в лицах, принимая в ней непосредственное участие, вы сами стали достоянием, фактом истории — современного искусства, в частности... Кажется, это утверждение, а не вопрос, и вы вряд ли будете против этого возражать?

— Недавно мне позвонила милая, очень волновавшаяся дама из радиокомитета: «Евгений Рубенович, мы вот Жарова успели записать, Ильинского, Чиркова и Бабочкина. Последним — Завадского. Мы страшно боимся опоздать с Вами». Я спрашиваю ее: «Что это значит?» — и слышу в ответ: «...мы и Марецкую успели записать... Вы не можете сделать передачу?» — «Какие Вы хотите?» — «Давайте скорее, потому что иначе Вы не успеете».

Евгений Симонов записал для радио 24 передачи по часу: воспоминания о Диком, Мансуровой, Охлопкове, Аркадии Райкине... Вслед за коллегами «успели» и мы, за что очень благодарны своему собеседнику. Единственный звонок Мастеру — и в ответ: «Приходите завтра...»

Может, в том и великий секрет его?

Беседавала
Татьяна НЕМОЙКИНА.
Фото Матвея ЧЕРНОВА.